

УДК 341(474.5)“15” + 341.218

Д. А. Савченко

ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ ОБ «ОСКОРБЛЕНИИ ВЕЛИЧИЯ»

Рассматриваются отдельные аспекты политической истории Великого княжества Литовского с точки зрения его правовой системы. На основе опубликованных текстов Литовских статуты 1529, 1566 и 1588 гг., а также иных актов законодательства Речи Посполитой анализируются особенности рецепции римского правового института «оскорбления величия» в литовском праве в контексте развития политического строя Литвы и ее взаимоотношений с Московским государством.

Установлено, что институт «оскорбления величия» был воспринят в Литве как правовое средство утверждения и охраны государственного суверенитета и политических интересов Великого княжества Литовского. Вместе с тем литовское право закрепило его расширенный вариант, отражающий передовые для своего времени юридические идеи, а также потребности защиты территориальной целостности страны.

Сделан вывод об оригинальности литовского варианта правового института «оскорбления величия», содержание которого является одним из показателей самостоятельности и довольно высокого уровня развития политической и правовой системы Великого княжества Литовского XVI в.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Литовский статут; право; оскорбление величия.

В последние десятилетия активизировались исследования истории Великого княжества Литовского как государства, игравшего важную роль в жизни средневековой Европы и оказавшего значительное влияние на историю Московского государства. Однако многие вопросы до сих пор остаются невыясненными. Так, не до конца изучена правовая система Литвы и ее основной документ — Статут Великого княжества Литовского.

В данной статье рассматриваются особенности политического строя Литвы, проявившиеся в нормах Литовского статута об «оскорблении величия».

Великое княжество Литовское представляло собой крупное феодальное государство с высоким экономическим, культурным и военным потенциалом. Еще с XIV в. ему принадлежали территории западных русских княжеств — Киевского, Смоленского, Полоцкого и др. В 1385 г. Великое княжество Литовское установило конфедеративные отношения (унию) с Польшей, которые к середине XVI в. еще более окрепли, что привело к образованию общего государства. В 1569 г. в результате Люблинской унии образуется Литовско-Польское королевство — Речь Посполитая¹, в котором Литва сохраняла свою относительно

¹ Польск. *Rzeczpospolita* (Жечпосполита) — буквальный перевод лат. *respublica* (республика): с XV в. традиционное название Польского государства, имевшего специфическую форму сословной монархии во главе с выборным королем, власть с которым делила шляхта. После Люблинской унии 1569 г. — официальное наименование федеративного государства, объединившего Польшу (Корону) и Великое княжество Литовское (Княжество, или Литву). Существовало до 1795 г. [см.: Статут Великого княжества Литовского..., с. 524].

самостоятельную государственно-правовую систему. Она имела свою территорию, государственный аппарат, войско, финансы, законодательство.

Едиными для Польши и Литвы были король Речи Посполитой и сейм. Прерогативу сейма составляли принятие и издание законов, раскладка налогов и решение многих других вопросов. Короля избирал особый — элекционный — сейм, в котором мог участвовать любой дворянин Речи Посполитой. При короле был создан совет из 16 сенаторов. Без его ведома и согласия король не вправе был что-либо предпринять. Указанные обстоятельства позволяли, несмотря на наследственный характер королевской власти, характеризовать форму правления Речи Посполитой как своеобразную «шляхетскую республику» [см.: Ливанцев, с. 170—171]. Исследователи неоднократно обращали внимание на живучесть в Великом княжестве Литовском раннесредневековых традиций договорных отношений сюзерена и вассала, предусматривавших взаимные обязательства сторон [см.: Третий Литовский статут 1588 года, с. 52].

Литовское право характеризовалось высоким уровнем своего развития. В силу тесных связей, которые существовали между Московским государством и Литвой, законодательство Великого княжества Литовского оказало заметное влияние на правосознание населения и правовую систему Московского царства.

Этому способствовало то обстоятельство, что, в отличие от Москвы, где, несмотря на наличие Судебников (1497 г., а затем 1550 г.), основным, ведущим источником права оставалось непосредственное волеизъявление царя и судей, их религиозно-правовое сознание, в правовой системе Литвы приоритет принадлежал «праву писанному», т. е. нормативным правовым актам. Они были написаны на «русском» (старобелорусском [Шалькевич, с. 193]) языке, который был в Литве одним из государственных языков.

Как известно, с конца XVI в. серьезным фактором общественно-политической и культурной жизни становится книгопечатание. Важнейшие юридические документы Великого княжества Литовского были изданы на русском языке печатным способом. Благодаря этому литовское законодательство получило еще более широкую известность в Московском государстве.

Основу всей правовой системы Литвы в начале XVI в. составляли Судебник 1468 г. (Судебник Казимира) [см.: Старостина, с. 336—340] и Статут Великого княжества Литовского 1529 г. (Первый Литовский статут)².

В 1566 г. был принят новый Статут Великого княжества Литовского (Второй Литовский статут), который дополняли сеймовые постановления и великокняжеские привилеи³.

² Статут — от лат. *statutum* — постановление, правило [см.: Дыдынский, с. 509].

³ Литовский статут 1566 г. в момент его принятия не был отпечатан и разошелся в многочисленных списках на русском (старобелорусском), а также на польском и латинском языках, на которые он вскоре был переведен. Списки, специально предназначенные для Волынского, Киевского и Брацлавского воеводств, в 1569 г. отторгнутых от Литвы и присоединенных к Короне Польской, обычно именовались Волынским статутом. В них, как правило, отсутствовал второй (военный) раздел [см.: Лазутка, Василюскене, с. 106—110].

В конце века был издан Третий Литовский статут. Он был подготовлен на высоком теоретическом уровне квалифицированными правоведами того времени под руководством канцлера Великого княжества Литовского А. Б. Воловича и подканцлера Л. И. Сапеги. Утвержденный королем Сигизмундом III 28 января и напечатанный в ноябре 1588 г., он на протяжении 250 лет был действующим законом на территориях Белоруссии, Литвы и Украины⁴.

Как известно, в Средние века в Европе наблюдалась рецепция римского права (в Западной Европе в большей степени, чем в Восточной). В тех случаях, когда дело не могло быть разрешено на основе местного права, применялось право римское, причем в его оригинальном — латинском — изложении⁵. Более того, в Германской империи с конца XV в. римское право было объявлено действующим правом страны [Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 522].

Тесные связи с Польшей, Германией и другими европейскими странами обусловили восприятие и распространение в Литве многих теоретических положений и норм римского права

Повлияло на правовую систему Литвы и церковное право, хотя в самих статутах ни одной нормы канонического права нет, они являются исключительно светскими сводами [см.: Статут Великого княжества Литовского..., с. 28]. Особенно заметным католическое влияние в Литве (католическая экспансия) стало после создания Речи Посполитой и начавшейся колонизации литовско-русских земель.

В то же время, как отмечал В. И. Печета, основным источником Литовского статута были «постановления великокняжеского суда по тем или иным возникавшим юридическим вопросам». Именно через них преломлялось и обычное право, а также зарубежное, прежде всего польское, влияние⁶.

Литовский статут представлял собой систематизированное собрание законодательных актов. Он обобщил и воплотил ряд государственно-правовых идей, многие из которых опережали свое время.

Составители Статута не придерживались системы кодификации, принятой в римском праве, а выработали свою. В ее основу были положены новые принципы: суверенитет государства (в противоположность средневековому космополитизму), единство права, приоритет писаного права. Указанные принципы нашли воплощение уже в Первом Литовском статуте 1529 г. и в последующем получили развитие во Втором (1566) и Третьем (1588) Литовских статутах.

⁴ Статут действовал в Витебской и Могилевской губерниях Российской империи до 1831 г., в Виленской, Гродненской и Минской, а также Киевской, Подольской и Волынской губерниях — до 1840 г., в Черниговской и Полтавской губерниях — до 1842 г. [см.: Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 5; Чехович, Усенко, с. 96–100].

⁵ Католическая церковь не допускала возможности перевода канонических латинских текстов церковных и светских законов на местные языки.

⁶ Поэтому В. И. Печета считал не вполне точным утверждение Н. А. Максимейко о том, что основным источником уголовных законов Литовского статута является «русское обычное право» и «законодательные источники» [см.: Печета, с. 23–27]. Н. А. Максимейко отмечал и определенное влияние на Статут польского и немецкого права. [см.: Максимейко, с. 2].

Статуты состояли из разделов и отдельных артикулов⁷. Статут 1529 г. включал 13 разделов и 244 артикула (в дальнейшем количество артикулов возросло в результате дополнений Статута до 283). В разделах 1–3 были размещены в основном нормы государственного и военного права, а также принципиальные положения других отраслей права, в разд. 4 и 5 — брачно-семейные и наследственные нормы, в разд. 6 — процессуальные, в разд. 7 — уголовно-правовые, в разд. 8 — земельные, в разд. 9 — лесные, в разд. 10 — гражданско-правовые, в разд. 11–13 — уголовные и уголовно-процессуальные нормы.

Подобная структура с небольшими изложениями была сохранена и в Статуте 1566 г.⁸, который имел 14 разделов и 367 артикулов. 1–3-й разделы охватывали нормы государственного, военного и административного права, 4-й — судоустройство и судебный процесс, 5–6-й — семейное и опекуновское право, 7–9-й — гражданско-правовые нормы, 10-й — лесное и полевое право, 11–14-й — уголовное право. Аналогичной была и структура Статута Великого княжества Литовского 1588 г.

Как уже отмечалось, в Статут вошли нормы государственного (конституционного) права, чего в то время еще не было в законодательной практике других европейских государств. Они закреплялись в разд. 1 «О персоне нашей государевой» (35 артикулов), в разд. 2 «Об обороне земской» (27 артикулов) и в разд. 3 «О вольностях шляхетских и о расширении Великого княжества Литовского» (51 артикул).

Нормы о наказаниях (уголовно-правовые и уголовно-процессуальные) были систематизированы в основном в разделах 11–14 в соответствии с сословной принадлежностью потерпевшего. Так, разд. 11 был посвящен ответственности за посягательства на шляхтичей («О насилиях, побоях и головщинах шляхетских»), а разд. 12 — за посягательства на «людей простых». В то же время немало уголовно-правовых норм было закреплено и в других разделах Статута в соответствии с объектом их уголовно-правовой защиты.

В целом Статуты 1566 и 1588 гг. отличались подробным перечислением наказуемых деяний и детальным описанием их разновидностей и признаков. Это было связано с закрепленным уже в первом артикуле разд. 1 Статута 1566 г. (а затем и Статута 1588 г.) обязательстве (обещании) государя обеспечить «единое право» для всех полноправных жителей в соответствии с их сословным положением и признанием приоритета «писанного права». Глава Великого княжества Литовского и Речи Посполитой провозглашал: «Напродмы, господар, обещуем и шлюбуем под тою ж присегою, которую учинили есмо всим обывателем всих земель паньства нашего, Великого князства Литовского, иж всих... тыми одними правы и артыкулы, в томъ же статуте нижей

⁷ От лат. *articulus* — 1) отделение; 2) часть предложения, слово; 3) статья закона, отдельное законоположение; 4) юридический случай; 5) предварительное решение; 6) момент. [см.: Дыдынский, с. 61].

⁸ Для подготовки проекта статута в 1515 г. была создана комиссия из 10 человек (5 католиков, 5 православных), в том числе «докторы прав чужоземских, которые заседши не одно поправили тот статут старый...» [см.: Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 530].

писаными и от нас даными, судити и справовати маем» [Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 80]⁹.

Таким образом, в Литовских статутах 1566 и 1588 гг.¹⁰ впервые была сделана попытка реализовать один из принципов зарождавшегося в тот период в Европе просветительско-гуманистического направления в учении о наказаниях — принцип «нет преступления и нет наказания без указания о том в законе». Во втором артикуле разд. 1 Статута, где обещалось никого не наказывать без «суда явного»¹¹, было записано: «Которые по суде и по таковом поконанью винные мают быти карани виною в артыкулах, нижей описаных, меновите назначоною» [Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 80]¹².

Уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления против основ политического строя стояли в Статутах 1566 и 1588 гг. особняком от основной массы уголовных законоположений [см.: Савченко, с. 103].

В отличие от кодификации римского права¹³, в Статуте Великого княжества Литовского они были закреплены уже в первом разделе. Это свидетельствует о том, что литовский законодатель рассматривал соответствующие нормы в качестве неотъемлемой части законов, определявших основы государственного строя и закреплявших принцип государственного суверенитета, воплощенного в «персоне государевой».

В обобщенной форме преступления против государственного суверенитета в Статуте обозначались как «оскорбление нашего государева величия» («ображенье маестату нашего господарского»).

Понятие оскорбление величия было заимствовано из римского права (от лат. *crimen maiestatis*). Оно нашло свое отражение уже в Литовском статуте 1529 г. (в разделе первом). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что рецепция понятия в данном случае сопровождалась и заимствованием соответствующего латинского термина.

Статут был написан на русском (старобелорусском) языке, поэтому его основу составляла правовая лексика, сформировавшаяся в русских землях еще в период Древней Руси. Как отмечал И. А. Юхо, «в отличие от Западной Европы, где пользовались римским правом, изложенным на непонятном для многих

⁹ «Прежде всего мы, государь, обещаем и обязуемся под той же присягою, которую учинили всем жителям всех земель государства нашего Великого княжества Литовского, что всех... этими правами и артикулами, в том же статуте ниже писанными и от нас даными, будем судить и действовать» [Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 351].

¹⁰ Интересно, что именно в период между первым (1529) и вторым (1566) Статутами в Литве получил распространение и юридическое оформление институт адвокатуры [см.: Борисенок, с. 83–149].

¹¹ Обещание не карать никого без суда ранее уже закреплялось в Статуте 1529 г.: «...лишь после того как истец и ответчик лично предстали перед судом и посредством явного разбирательства... окончательно была бы доказана их вина, то только после суда... они должны быть приговорены и наказаны в соответствии с тяжестью их преступлений» (разд. 1, арт. 1). (здесь и далее текст Литовского статута 1529 г. цитируется в переводе на современный русский язык по: [Статут Великого княжества Литовского 1529 года].

¹² «...И после такого рассмотрения виновные должны быть наказаны наказанием, указанным в ниже описанных артикулах» [Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 351].

¹³ В Дигестах Юстиниана соответствующие нормы наряду с иными уголовными законами были кодифицированы в 48-й и 49-й книгах.

латинском языке, текст Статута был понятен подавляющему большинству местного населения» [Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 28].

Но если для латинского термина *crimen* в русском языке нашелся соответствующий аналог — «оскорбление» («ображение», «зражение»), то в отношении термина *maistatis* наблюдалась иная ситуация. Слово, которое бы в полном объеме отражало содержание этого римского понятия (*maiestas* — достоинство, величие, святость: а) Бога; б) народа, государственных учреждений [Дыдынский, с. 329]), в русском языке не было. Поэтому для обозначения исходящего от Бога и выражающего интересы всего народа абсолютного, высшего приоритета¹⁴ была использована русифицированная транскрипция латинского термина — маестат.

В то же время в Древнем Риме понятие *maistatis* первоначально характеризовало величие и святость Бога, затем — величие всего римского народа¹⁵ и лишь в последующем стало характеризовать величие монарха (императора), получившего от Бога власть и право выражать интересы всех римлян. В Литовском статуте понятие «маестат» (величество) применяется только в отношении монарха («маестат господарский») как отражение его особого, исходящего от Бога статуса и прерогатив. Монарх считался наместником Бога на земле, и всякое деяние против него рассматривалось как ущемление его власти и авторитета [Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 548]. Таким образом, «величие государево» (маестат господарский) рассматривалось как важнейший, основополагающий элемент суверенитета монарха и его государства, а «оскорбление государева величия» — как посягательство на государственный суверенитет.

Как уже отмечалось, понятие «зражение маестату господарского» («оскорбление государева величия») было закреплено уже в Первом Литовском статуте. Однако его содержание в этом правовом акте не раскрывалось. Оно должно было трактоваться на основе законоположений римского права. Ведь уже в преамбуле Статута его издание объяснялось желанием «короля Польского и великого князя Литовского, русского... и других» одарить своих подданных «христианскими законами». А в первом артикуле закреплялось обязательство монарха «наказывать каким-либо денежным штрафом, смертной казнью, или тюрьмой, или конфискацией имения» только после того, как «в соответствии с установлениями христианского права окончательно была бы доказана их вина... согласно обычаю христианских прав, они должны быть приговорены и наказаны...» (Статут 1529 г., разд. 1, арт. 1). Под христианским правом в его католическом истолковании понималось основанное на римском праве право католических феодальных государств¹⁶.

¹⁴ От лат. *magis* — более (в знач. «преимущество») [Дыдынский, с. 327].

¹⁵ По определению Ульпиана, «преступлением против величия является то, которое совершается против римского народа или его безопасности» (Dig., 48.4.1).

¹⁶ В первом земском привилее 1387 г. после унии с Польшей и принятия литовцами христианства по католическому обряду декларируется представление литовскому боярству ряда прав, которыми пользуется шляхта в Польше. Но уже в земском привилее 1434 г. вместо упоминания прав, которыми пользуется шляхта в Польше, упомянуто право христианских государств [см.: Статут Великого княжества Литовского 1529 года, с. 244].

В то же время уже составители Первого Литовского статута были вынуждены косвенно констатировать, что римское понятие «оскорбления величия» в конкретных условиях средневековой феодальной монархии — Великого княжества Литовского — нуждается в дополнении. Поэтому во втором артикуле Статута был закреплён состав особой разновидности «оскорбления величества государева» — побег подданного «из нашего государства в землю наших неприятелей».

Принимая такое решение, авторы Литовского статута учитывали, что в Древнем Риме с I в. до н. э. к преступлениям против величия стали относить преступления *perduellio*, т. е. «дурную войну», «войну против римского народа»¹⁷. Их разновидностью считались, в частности, сговор с неприятелем и дезертирство.

Кроме того, формулируя правовые последствия бегства «в землю неприятелей», составители Первого Литовского статута, вероятно, могли использовать законодательный опыт регулирования ответственности за бегство за границу, имевшийся у других государств, и в первую очередь у Польши.

Здесь ещё с середины XIV в. действовали так называемые Вислицко-Петроковские статуты (1346—1347), изданные королем Казимиром III Великим. Они устанавливали конфискацию недвижимого имущества преступников, бежавших за границу и причинивших вред отечеству и соотечественникам¹⁸. Кроме того, в Статуте 1347 г. говорилось о конфискации имений изменников¹⁹. При этом в статутах особо подчеркивалось, что дети не должны нести ответственность за своего отца²⁰.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что условием ответственности беглеца Вислицко-Петраковские статуты называли причинение «в побеге» вреда «отечеству своему и соотечественникам»²¹. Кроме того, бегство за границу само по себе не приравнивалось здесь к «оскорблению величия», а ответственность жены и детей убежавшего несколько ограничивалась.

Составители Литовского статута посчитали необходимым приравнять к «оскорблению величества государева» любой побег в землю неприятеля, не уточняя его целей и последующего поведения убежавшего. Наказанием за него было лишение чести и конфискация имущества в пользу Великого князя Литовского: «...имение наследственное, выслуженное и купленное не переходит ни

¹⁷ Лат. *perduellis* — неприятель; *perduellio* — 1) нападение, вторжение; 2) измена отечеству [Дыдынский, с. 403].

¹⁸ В переводе с польского языка на русский в Санкт-Петербургском издании 1811 г. [Статут Великого княжества Литовского ..., с. 13] это правило звучало так: «Естьли бы кто, сделав какое преступление и уклоняясь от законного наказания, бежал в чужие земли и в побеге своем причинял отечеству своему и соотечественникам вред, такового недвижимые имущества в казну должны быть отписаны».

¹⁹ «Изменники и беглецы наказываны быть должны отписью всех их имений на всегда в казну, исключая имений, записанных в обеспечение женнина приданого и частей отделенных детей» [Статут Великого Княжества Литовского ..., с. 15].

²⁰ «Дети за отца наказываться не должны, а отцовские имущества берутся на государя» [Там же, с. 7].

²¹ По Коронному статуту 1349, утвержденному Яном I Казимировичем Ольбрахтом, «кто опасаясь какой беды бежал из государства, тот чести не теряет. Глейт обоего пола людям выдан быть имеет для оправдания или обретения себе справедливости» [см.: Там же, с. 31].

к детям, ни к родственникам, а только к нам, Великому князю» (Статут 1529 г., разд. 1, арт. 2).

Конфискации подлежали даже ранее выделенные из имения убежавшего доли его сыновей и братьев, если последние знали о намерениях своего родственника и не воспрепятствовали его побегу²². К Великому князю переходило и имение, которое убежавший предварительно продал или отдал в залог, если приобретатель знал о намерении продавца бежать в землю неприятеля (разд. 1, арт. 3, 4).

В то же время выезд «во всякие земли, кроме земель неприятельских», не был запрещен. Об этом специально говорилось в разделе «О вольностях шляхты и о расширении Великого княжества Литовского»: «Также соизволяем, чтобы... княжата и паны хоруговные, шляхтичи и бояре могли совершенно свободно выезжать... для приискания себе лучшей доли и обучения рыцарскому делу во всякие земли, кроме земель неприятелей наших...» (разд. 3, арт. 8).

Право на выезд было закреплено еще в первом общеземском привилее Казимира IV (1447), уравнивающим в правах литовскую, белорусскую и украинскую шляхту с польской. Оно подтверждалось и в уставной грамоте Киевской земле (1507). Шляхте и всем служилым людям выезд разрешался при соблюдении обязанностей по отношению к великому князю: «шতোбы службы наши не были замешканы». Однако уже в указанных документах выезд разрешался «до всяких земель чужих окром неприятелей наших». Нарушение этого условия расценивалось как измена [Третий Литовский статут 1588 года, с. 173].

Появление в Литовском законодательстве нормы об ответственности за «бегство в землю неприятелей» имело свои социально-исторические основания. Ведь наличие социальных, религиозных, культурных и этнических противоречий между литовскими магнатами, католиками по вероисповеданию, имевшими право представительства в раде панов, и русской православной шляхтой обуславливало непрочность Великого княжества Литовского. Невозможность участвовать в управлении страной толкала русскую знать Литвы, и прежде всего из пограничных земель, к союзу с Великим княжеством Московским.

Первыми «отъехали» к Ивану III князья Воротынские и Белевские, вместе с которыми к Руси отходили верховья Оки. Начиная с 1487 г. переход на сторону Москвы верховских князей принял массовый характер: при поддержке русских войск в состав Московского государства вошли Любутск, Мценск, Мезецк, Серпейск. По перемирию 1494 г. к этим территориям присоединилось и Вяземское княжество [История Европы, с. 458–459].

Отношения Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского, выдвинувшего лозунг защиты православия в Литве, и далее обострялись.

²² Г. В. Демченко подметил, что в начале XVI столетия имущественные последствия (утрата имения) распространялись на всех братьев изменника: «а если будет братьев пять або шесть неделеных на имени, а естли который з них зраду вчинит, тогды делницу имения, што мело на него прийти, тратит, и над то имение все всих братьов ест в ласце господарской» (Устав 1509 г. об имениях государских изменников). Однако в дальнейшем «постановление это не вошло ни в старый, ни в последующие Статуты» [см.: Демченко, с. 151–152].

В 1498 г. Литва прервала сношения с Москвой, а в 1499 г. заключила Виленскую унию с Короной Польской. Был наложен запрет на вывоз в Московское государство соли, благородных и цветных металлов. В условиях экономической блокады война становилась неизбежной [Там же, с. 459]. Она началась в 1500 г. и в последующем периодически возобновлялась. По миру 1503 г. к Московскому государству перешла значительная территория по течению Сожи и Десны с городами Черниговом, Стародубом, Гомелем, Новгород-Северским и Рыльском, а также верхнее течение Десны и Угры с Брянском и далекими пригородами Смоленска (сам Смоленск вошел в состав Русского государства в 1514 г.).

Не случайным поэтому становится появление в Первом Литовском статуте нормы, закрепляющей обязанность Великого князя обеспечить территориальную целостность государства²³: «Также владения того Великого княжества Литовского не уменьшим, а то, что будет несправедливо отторгнуто и неправильно взято и испрошено, к владениям того княжества возвратим...» (Статут 1529 г., разд. 3, арт. 2). Это обязательство в последующем закреплялось и в последующих редакциях Литовского статута (Статут 1566 г., разд., 3, арт. 3; 1588 г., разд. 3, арт. 4).

Нормы об ответственности за «побег в землю неприятелей» были одним из правовых средств сохранения территориальной целостности Великого княжества Литовского. Поэтому подобное деяние по Первому Литовскому статуту приравнивалось к «оскорблению государева величия» без уточнения его целей и последующего поведения «отъехавшего».

С другой стороны, средством предупреждения отъездов стал пересмотр религиозной политики и предоставление гарантий православному населению Литвы. В результате их тяга к Москве несколько ослабла: в 20-е гг. XVI в. на Русь перешли лишь Мстиславские и Воротынские [Первый Литовский статут 1529 года, с. 35].

Таким образом, восприняв римский правовой институт «оскорбления величия» как средство охраны политического строя и государственных интересов страны, литовское право закрепило его оригинальный вариант. Он отразил передовые для своего времени юридические идеи, а также особенности социально-политической организации и международного положения Литвы в XV — XVI вв. Содержание литовского варианта правового института «оскорбления величия» является одним из значимых показателей самостоятельности и довольно высокого уровня развития политической и правовой системы Великого княжества Литовского.

Борисенок С. Создание профессиональной адвокатуры в Литовско-Русской державе // Сборник социально-экономического отдела УАН. № 12, вып. 3. Киев, 1927. С. 83–149. [Borisenok S. Sozdanie professional'noj advokatury v Litovsko-Russkoj derzhave // Sbornik sotsial'no-ekonomicheskogo otdela UAN. N 12, vyp. 3. Kiev, 1927. S. 83–149.]

²³ Впервые обязательства великого князя по сохранению целостности княжества было закреплено еще в привилее 1447 г. [см.: Статут Великого княжества Литовского 1588..., с. 550].

Демченко Г. В. Наказание по Литовскому статуту в его трех редакциях (1529, 1566, 1588 гг.). Ч. 1. Киев, 1894. 276 с. [Demchenko G. V. Nakazanie po Litovskomu statutu v ego trekh redaktsiyakh (1529, 1566, 1588 gg.). Ch. 1. Kiev, 1894. 276 s.]

Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права : по изд. 1896 г. М., 1998. 372 с. [Dydynskij F. M. Latinsko-russkij slovar' k istochnikam rimского права : po izd. 1896 g. M., 1998. 372 s.]

История Европы : в 8 т. Т. 2 : Средневековая Европа. М., 1992. 836 с. [Istoriya Evropy : v 8 t. T. 2 : Srednevekovaya Evropa. M., 1992. 836 s.]

Лазутка С., Василяускене А. Списки Второго Литовского Статута на старопольском языке // Третий Литовский статут 1588 года. Вильнюс, 1989. С. 106–110. [Lazutka S., Vasilyauskene A. Spiski Vtorogo Litovskogo Statuta na staropol'skom yazyke // Tretij Litovskij statut 1588 goda. Vil'nyus, 1989. S. 106–110.]

Ливанцев К. Е. История государства и права Средних веков. СПб., 2003. 350 с. [Livantsev K. E. Istoriya gosudarstva i prava Srednikh vekov. SPb., 2003. 350 s.]

Максимейко Н. А. Источники уголовных законов Литовского статута. Киев, 1894. 186 с. [Maksimejko N. A. Istochniki ugovolnykh zakonov Litovskogo statuta. Kiev, 1894. 186 s.]

Первый Литовский статут 1529 года. Вильнюс, 1982. 155 с. [Pervyj Litovskij statut 1529 goda. Vil'nyus, 1982. 155 s.]

Первый Литовский Статут = Pirmasis Lietuvos Statutas : в 2 т. Т. 1, ч. 1 : Палеографический и текстологический анализ списков. Вильнюс, 1983. 419 с. [Pervyj Litovskij Statut = Pirmasis Lietuvos Statutas : v 2 t. T. 1, ch. 1 : Paleograficheskij i tekstologicheskij analiz spiskov. Vil'nyus, 1983. 419 s.]

Пичета В. И. Литовский статут 1529 г. и его источники // Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск, 1960. С. 23–27. [Picheta V. I. Litovskij statut 1529 g. i ego istochniki // Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1529 g. Minsk, 1960. S. 23–27.]

Савченко Д. А. Нормы о наказаниях за государственные преступления в Литовском статуте // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 20. Томск, 2004. С. 103–106. [Savchenko D. A. Normy o nakazaniyakh za gosudarstvennye prestupleniya v Litovskom statute // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarst-vennosti. CH. 20. Tomsk, 2004. S. 103–106.]

Старостина И. И. Судебник Казимира 1468 г. // Древнейшие государства на территории СССР : материалы и исследования, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 170–344. [Starostina I. I. Sudebnik Kazimira 1468 g. // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR : materialy i issledovaniya, 1988–1989 gg. M., 1991. S. 170–344.]

Статут Великого Княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию оного. СПб., 1811. Ч. 1. XXII. 483 с. [Statut Velikogo Knyazhestva Litovskogo s podvedeniem v nadlezhaschikh mestakh sсыlki na konstitutsii, prilichnye sodержaniyu onago. SPb., 1811. Ch. 1. XXII. 483 s.]

Статут Великого княжества Литовского 1529 года : текст, перевод и словарь-комментарий / АН Белорусской ССР. Оtd. pravovykh nauk ; pod red. K. I. Яблонска ; подгот. текста к печати П. Ф. Крапивина ; пер. и коммент. Ю. И. Чернецкой и др. Минск, 1960. 253 с. [Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1529 goda : tekst, perevod i slovar'-kommentarij / AN Belorusskoj SSR. Otd. pravovykh nauk ; pod red. K. I. Yablonskisa ; podgot. teksta k pečati P. F. Krapivina ; per. i komment. Yu. I. Chernetskoj i dr. Minsk, 1960. 253 s.]

Статут Великого княжества Литовского 1566 г. Поправки Статутные // Временник императорского Московского общества древностей российских. М., 1855. Кн. 23 : Материалы. С. 1–242. [Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1566 g. Popravki Statutovye // Vremennik imperatorskogo Moskovskogo obschestva drevnostej rossijskikh. M., 1855. Kn. 23 : Materialy. S. 1–242.]

Статут Великого княжества Литовского 1588 : Тексты. Справ. коммент. / Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.: И. П. Шамякин (гл. ред.) и др. Минск, 1989. 573 с.: ил. (на бел. яз.).

[Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1588 : Teksty. Sprav. komment. / Belarus. Sov. Entsikl.; redkol.: I. P. Shamyakin (gl. red.) i dr. Minsk, 1989. 573 s.: il. (na bel. yaz.).]

Третий Литовский статут 1588 года : материалы республ. науч. конф., посвящ. 400-летию Третьего статута. Вильнюс, 1989. 259 с. [Tretij Litovskij statut 1588 goda : materialy respubl. nauch. konf., posvyasch. 400-letiyu Tret'ego statuta. Vil'nyus, 1989. 259 s.]

Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1905. XXII, 138 с. [Fletcher D. O gosudarstve russkom. SPb., 1905. XXII, 138 s.]

Чехович В. А., Усенко И. Б. Роль III Литовского статута в политической борьбе вокруг проблем кодификации дореволюционного права Украины // Третий Литовский статут 1588. Вильнюс, 1989. С. 96–105. [Chekhovich V. A., Usenko I. B. Rol' III Litovskogo statuta v politicheskoy bor'be vokrug problem kodifikatsii dorevoljutsionnogo prava Ukrainy // Tretij Litovskij statut 1588. Vil'nyus, 1989. S. 96–105.]

Шалькевич В. Ф. Тэарэтычная спадчына Льва Сапегі і беларускае нацыянальнае адраджэнне канца XIX – пачатку XX ст. // Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва усходнеэўрапейскім цывілізацыйным кантэксце. Мінск, 2012. С. 189–197. [Shal'kevich V. F. Tearetychnaya spadchyna L'va Sapegi i belaruskae natsyya-nal'nae adradzhenne kantsa XIX – pachatku XX st. // Gistoryya i suchasnast': belaruskaya dzyarzhaunast' va uskhodneeurapejskim tsyvilizatsyjnym kantekstse. Minsk, 2012. S. 189–197.]

Статья поступила в редакцию 30.09.2013 г.

УДК 37:316.356.4(436) + 373.5(09)

Ю. Е. Комлева

ГАБСБУРГСКАЯ ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АВСТРО-ВЕНГРИИ*

Рассматривается политика габсбургского правительства по формированию наднациональной идентичности у населения австрийской половины Австро-Венгерской монархии, осуществляемая в том числе через контролируемую Министерством культуры и просвещения систему начального и среднего образования. Исследование базируется на материалах библиотечных фондов австрийского федерального Министерства образования, искусства и культуры. Анализ наиболее распространенных в исследуемый период учебников по истории позволяет выявить основные способы трансляции «общеавстрийской» идентичности через преподавание в школах предмета «География и история».

Ключевые слова: Австро-Венгерская монархия; национальная идентичность; история образования; политика памяти.

Одним из наиболее важных и перспективных проектов европейских политических и интеллектуальных элит является формирование коллективной идентичности у граждан Европейского союза, что позволило бы существенно

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках гранта Президента РФ 2013 г. для молодых российских ученых – кандидатов наук. МК-6115.2013.6.